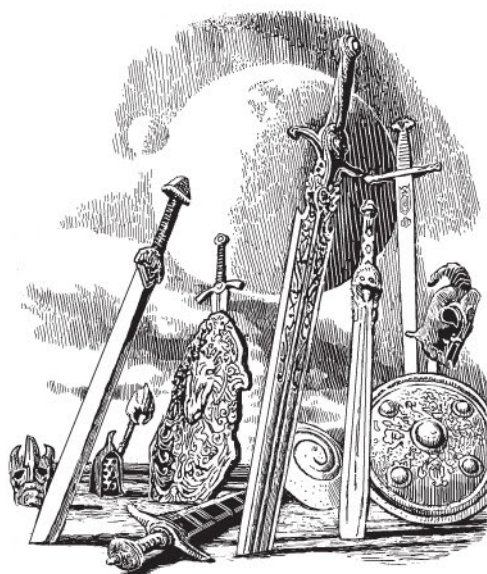

ЕВГЕНИЙ ГУЛЯКОВСКИЙ

Чужие пространства

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)-445
Г 94

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Сергея Шикина

Иллюстрации и иллюстрация на обложке
Сергея Григорьева

ISBN 978-5-389-11600-9

© Е. Гуляковский, 2017
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

Чужие пространства

Роман

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧУЖИЕ ПРОСТРАНСТВА

Часть первая

УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

Глава I

В жизни некоторых людей, отмеченных высоким выбором судьбы, а быть может, собственным талантом или особым везением, наступают иногда моменты, когда от решения, казалось бы, пустякового на первый взгляд вопроса зависит ход исторических часов целых народов.

Иногда нечто подобное происходит и с людьми, не замеченными историей, но тем не менее оставившими в ней свой невидимый для современников след.

В жизни Степана Гравова такой день наступил семнадцатого сентября, когда, развернув случайно подвернувшуюся под руку вечернюю городскую газету, он обнаружил в ней объявление частного агентства по трудоустройству и туризму «Посредник».

«Если у вас приличная внешность, если вы не обременены семьей, не обросли долгами и обязанностями — одним словом, если вы молоды и свободны, если в вас не угас еще огонь романтики, обращайтесь к нам». Объявление, несмотря на несколько возвышенный стиль, показалось Степану достаточно любопытным; и поскольку, кроме первого пункта относительно внешности, вызвавшего у него некоторые сомнения, все остальные соответствовали его нынешнему социальному положению, а его теперешняя временная работа уже успела ему порядком надоест, он решил обратиться в агентство «Посредник» по указанному в объявлении адресу, не поленившись его разыскать среди узких улочек и маленьких захламленных дворишков на окраине города.

Возможно, будь в объявлении указан телефон агентства или хотя бы перечень услуг, которые оно могло оказать, Степан не стал бы себя утруждать, но ничего этого не было — и вот вечером семнадцатого сентября он стоял перед железной калиткой с приклеенным к ней куском картона. Небрежно, наспех, черным каранда-

шом на нем было написано всего два слова: «Агентство „Посредник“».

Степан постучал и, не дождавшись ответа, толкнул калитку. Она легко поддавалась, открыв его взгляду обычный окраинный дворик с выводком кур, небольшим огородиком и слегка покосившейся мазанкой. Никого не было видно. Не лаяли даже собаки. Он уже начал жалеть о своей нелепой затее и совсем было собрался захлопнуть калитку, досадуя на себя за потраченное время, когда в глубине двора показался какой-то старик в заношенной куртке с лопатой в руках.

— Вам кого, молодой человек? — спросил старик издали. Изпод густых бровей сверкнули внимательные зеленоватые и не стариковски цепкие глаза.

— Да вот объявление... Вроде тут агентство какое-то, — несколько растерянно ответил Степан.

— Ну так проходите. Это действительно здесь.

Теперь уже уходить вот так сразу было неудобно, хотя ничего дельного от предстоящего разговора Степан не ждал. Какое-нибудь очередное дурацкое предприятие, рассчитанное на простаков, готовых платить деньги.

Такие фирмы за последнее время расплодились как грибы после дождя.

Он прошел вслед за стариком в дом, вытер ноги и оказался в светлой, по-деревенски обставленной горнице, испытывая все большую неловкость оттого, что не решил, как объяснить свой визит, когда разговор зайдет о деле. Ведь он не знал даже, каким «трудоустройством» занимается агентство.

— Ну-с, так чем мы можем быть вам полезны? — спросил старик, споласкивая под рукомойником руки и вытирая их старым, но чистым полотенцем.

— Да вот прельстился вашим «огнем романтики» и, наверно, зря отнимаю у вас время...

— Нет, отчего же. Наша обязанность удовлетворять любые запросы клиента.

— Так уж и любые? — усмехнулся Степан.

— Многие. Можно сказать, большинство, — твердо, без тени шуток ответил старик, и вновь его глаза внимательно, испытующе проšliсь снизу вверх по Степану, словно холодной водой обдав его с ног до головы. — Мы не указываем деталей услуг, которые можем оказать, именно потому, что они весьма обширны, а длинные объявления стоят дорого. Те, кому мы действительно нужны, рано или поздно находят к нам дорогу. Так, значит, вас интересует

романтика... Этот товар сам по себе стоит нынче недорого. Все зависит от того, с чем вы собираетесь его использовать.

Разговор получался какой-то странный — нечто среднее между хорошим розыгрышем и непонятной тонкой аферой. Больше всего Степана заинтересовала иронически серьезная речь старика, говорившего о романтике так, словно он собирался взвешивать ее на килограммы и доподлинно знал, как это сделать.

— Ну что же, — стараясь подыграть тону беседы, проговорил Степан, — для начала я бы предпочел «романтику дальних странствий». Желательно зарубежных, — тут же добавил он, на ходу вставляя явно невыполнимое для этого заштатного предприятия условие.

— Похвальный выбор. Мы ищем серьезных клиентов. Однако плата соответственно возрастает. Двадцать пять процентов с зарплаты первого года, включая валюту. Внутри страны мы берем не более десяти процентов комиссионных, однако при организации «загранки» накладные расходы значительно увеличиваются.

— Ну разумеется! — охотно согласился Степан, готовый отказать и от оставшихся семидесяти пяти процентов несуществующих заграничных доходов.

— Кроме того, для включения в нашу картотеку необходимо сделать обычный взнос. Пятьсот рублей.

«Вот это уже существеннее», — подумал Степан, испытывая легкое разочарование. Скорее всего, ради получения этой суммы и был затеян весь спектакль с объявлением о продаже романтики. Он твердо решил не отступать до конца, до тех пор, пока сумма расходов не превысит возможностей его довольно-таки скромного бюджета. В конце концов, за любую глупость нужно платить, а за эту он платил с особым, мстительным самому себе удовольствием — романтики ему, видите ли, захотелось... Не сказав ни слова, он выложил на стол пятисотенную купюру с новым российским флагом, и она тут же исчезла, растворилась, словно ее не было вообще, не оставив после себя никакого следа в виде какого-нибудь клочка бумаги, хоть отдаленно похожего на квитанцию. Минуту назад пятисотенник еще лежал на столе, и вот уже его не стало. Степан даже не заметил переходного момента, во время которого купюра перекочевала из руки старика в его карман.

— Поскольку предварительные формальности соблюдены, взнос сделан, прошу вас пройти в нашу контору. Рабочее помещение у нас наверху.

Медленно, размеренно они стали подниматься по скрипучим старым ступеням, исчезающим в черном провале чердачного по-

мещения. Степан думал о том, что его дурацкое стремление разглядеть за серым фасадом будней, скорее всего, несуществующую причинно-следственную начинку, в который уже раз приводит его на ступени старой как мир лестницы, ведущей туда, где доверчивая глупость, а иногда попросту безысходность одних превращается в звонкую монету для тех, кто лучше приспособлен к этому нелепому, вывернутому наизнанку миру.

Переступив последнюю ступеньку, Степан очутился в просторном светлом помещении, отделанном современными деревянными панелями. Но не эта неожиданная современность в отделке поразила его настолько, что он буквально прирос к порогу. На столе поблескивал «АРМСТРАД-2020» — английский персональный компьютер новейшего образца. Степан кое-что понимал в этой технике и сразу же оценил двойной дисковод, цветной дисплей и лазерный принтер, заполнившие стол своими сероватыми, с сербристой искрой телами и переплетением кабелей.

— Серьезная машина...

— Наша фирма вообще намного серьезнее, чем может показаться с первого взгляда, — строго проговорил старик, включая машину и вставляя в дисковод дискету, снятую с полки, где в черных пакетах с яркими этикетками стояли в строгом порядке десятки, сотни таких же дисков, содержащих мегабайты неведомой Степану информации.

— Итак, приступим к составлению договора. Ваши фамилия, имя, отчество, адрес?

— Нужны какие-то документы?

— Ничего, кроме правдивых ответов, не требуется. У нас есть возможность проверить нужную нам информацию.

Руки старика молниеносно забегали над клавиатурой машины, едва касаясь клавиш. Дисководы мягко заурчали, на дисплее вспыхнули и почти сразу же исчезли непонятные Степану слова. Он едва успел разглядеть вязь какого-то восточного письма. Старик развернул дисплей и вопросительно уставился на Степана. Степан начал отвечать на его вопросы и все никак не мог отделаться от странного ощущения, что ответы запаздывают, что старик начинал печатать раньше, чем он успевал сказать первое слово. Когда ему надоела эта странная игра, он замолчал, что, впрочем, не помешало хозяину закончить текст договора.

После того как заработал принтер, пулеметными очередями вычерчивая на бумаге целые фразы, вылетавшие откуда-то из электронных глубин машины, хозяин повернулся на вращающемся стуле к стойке, где стеклом и хромом поблескивала кофеварка,

и только тогда Степан заметил на столе еще и модем. Это было уже слишком. Степан готов был поклясться, что в их городишке не найдется второго такого компьютера и тем более нет никаких баз данных, электронных библиотек и тому подобной западной чепухи. Но модем мог служить одной лишь цели — он автоматически связывал машину по телефонной сети с другими подобными аппаратами. И сейчас на нем горел зеленый огонек, свидетельствуя о том, что машина использовала в своей работе внешние линии связи.

Лист с пунктами договора был отпечатан на специальной бумаге и пахивал чем-то очень знакомым. Степана поразило обилие пустых строк между пунктами договора.

— Не все пункты задействованы, — пояснил хозяин. — Текст стандартный, но по мере надобности здесь могут быть вставлены новые параграфы.

— Довольно странный способ заключать договор, половина текста которого неизвестна!

— Ну, все, что нужно для нашего с вами дела, там есть. К тому же вы можете и не подписывать. В таком случае вы лишаетесь предварительного взноса, и мы на этом расстаемся.

— Но как я могу подписывать документ, не зная, что он собой представляет?

Старик усмехнулся:

— К нам редко приходят слишком уж осторожные люди. К тому же основные ваши обязательства, размер оплаты наших услуг изменяться не будут, а все остальное... Как я уже сказал, форма стандартная.

— Хорошо хоть то, что есть, напечатано по-русски!

— Мы всегда составляем договор на языке клиента. Наши клиенты никогда не остаются в проигрыше, и именно поэтому мы оставляем за собой право изменять некоторые пункты. В любом случае, прежде чем предложить вам что-то, не обозначенное в первоначальном варианте договора, мы обязаны получить ваше согласие, там есть об этом специальная оговорка.

Степан задумался. В конце концов, этот лист бумаги, не заверенный нотариусом, не будет иметь никакой юридической силы. Чем он рисковал, пятьюстами рублями? С ними он уже простился. Мифическими процентами от своей будущей работы за границей? Он в нее по-прежнему не верил, хотя, надо признать, «АРМСТРАД-2020» придавал этому хорошо поставленному спектаклю аромат достоверности.

— Значит, никакой другой оплаты, кроме обозначенных здесь двадцати пяти процентов, не будет?

— Если вы имеете в виду деньги, то конечно нет, мы не мошенники и никогда не нарушаем наших обязательств. Договор может быть изменен только в пользу клиента.

Степан достал авторучку.

— Нужны специальные чернила. Вот этими, пожалуйста. — Старик протягивал ему допотопную чернильницу с перьевой ручкой. Рыжие чернила напоминали те, которыми подписывали в сберкассах аккредитивы. Спектакль был продуман до самых последних мелочей, и, испытав от этого неожиданное и несомненное удовольствие, Степан расписался внизу листа.

Остановившись перед калиткой, Степан еще раз внимательно осмотрел фасад дома, благо хозяин не стал его провожать, а во дворе не было даже собаки. К дому шел один-единственный провод от столба с осветительным фонарем. Телефонной подстанции в этом районе не существовало. Зато над коньком крыши торчала ребристая тарелка странной антенны. Радиотелеграфная связь? После «АРМСТРАДА» этому Степан уже не удивился.

Небольшое приключение на улице Красикова первоначально никак не повлияло на дальнейшую жизнь Степана. На вопрос, следует ли ему ждать результатов вмешательства всесильного агентства «Посредник» в его судьбу, старик ответил, что ничего подобного не требуется. После подготовки всего необходимого его разыщут, где бы он ни находился.

Посмеявшись про себя над этим многозначительным заверением и нисколько уже не жалея о потраченном времени и деньгах, вполне удовлетворенный полученным развлечением, Степан уехал в археологическую экспедицию в Северо-Восточный Казахстан. Впервые в его бродяжнической жизни наметилась некая остановка. Профессор Ельгин обещал после возвращения помочь ему закрепиться в институте и похлопотать о месте лаборанта на соседней кафедре. Место, правда, было пока еще занято, но к моменту возвращения из экспедиции определенно должно было освободиться.

Третьи сутки за окном поезда мчались, торопились куда-то сухие степи. Дождя здесь не было уже давно, и оттого запахи нескошенных трав, невидимых в стремительном беге поезда степных цветов сгустились, словно настой, и заполнили собой весь вагон.

Вдыхая этот терпкий аромат перестоявшихся степных полей, Степан думал о том, что наметившийся в его судьбе перелом наверняка определит всю его дальнейшую жизнь. Человек редко способен оценить истинное значение происшедших с ним недавних событий, лишь позже, с высоты пронесшихся лет, прибавивших

мудрости и седых волос, мы можем в них разобраться более-менее верно, но тогда уже мало пользы от этого понимания. Слишком часто мелкое, сиюминутное кажется нам чрезвычайно важным, заслоня собой уже оставшийся позади подлинный поворот жизненной дороги...

Над степью стояла сухая июньская ночь. К рассвету опрокинутое над головой Степана бездонное небо как будто опустилось ниже, и мохнатые ослепительные звезды слегка потускнели. В траве, недалеко от того места, где он лежал в спальном мешке, положенном прямо на давно не видавшей дождей земле, завозился какой-то зверек.

Из степи долетел первый порыв легкого утреннего ветра. Он принес с собой прохладу и резкий горьковатый запах полыни. Степан проснулся, но вставать еще было рано. Он мог разбудить расположившихся неподалеку прямо под открытым небом остальных сотрудников экспедиции и потому лежал неподвижно. Хорошо ему думалось в этот розоватый предрассветный час полного одиночества.

Вспоминалась недавняя работа в институте по исследованию южных морей. Хорошая работа. Жаль, что недолгая. Ее пришлось оставить после того, как он самовольно выпустил из дельфинария томящихся там пленников... Потом был заповедник на Карадаге... И оттуда он ушел. Слишком часто стал замечать косые взгляды друзей, тех самых, что любили когда-то на ночь собираться в бухте «Разбойника» с гитарами и могли жить там весь отпуск, полностью отрешившись от цивилизации. Они так никогда и не смогли ему простить этот заповедник, словно была его вина в том, что солидные дяди с портфелями оттяпали в собственное пользование целую сказочную страну, закрыли ее кордонами от простых смертных, понастроили проходных шлагбаумов, а заодно и личных дач на общественные деньги. Поди проверь, чем они там занимаются, в заповедном режиме. Такая наука недешево обходится обществу, а понимание этого недешево обошлось Степану: он потерял и эту свою работу и теперь вот ждет, надеется, что по возвращении Ельгин сдержит свое слово, поможет закрепиться в институте. А если нет?.. Опять мотаться по случайным экспедициям...

Мысли Степана текли медленно и без особой связи, как иногда бывает ранним утром, когда желанный сон бежит от широко открытых глаз, в уши назойливо лезут посторонние шорохи, а где-то далеко за горизонтом, невидимый и неслышимый, рождается ветер.

Степан подумал о женщинах. Не о какой-то конкретной женщине, а о женщинах вообще. Он представил себе, как в далеких городах миллионы женщин лежат в своих уютных постелях, у каждой из них есть муж, любовник или просто друг. Кого-то они, возможно, ждут. Кто-то должен приехать, вернуться из армии, из командировки, из экспедиции... Только его не ждала ни одна из них. Свои недолгие, ни к чему не обязывающие знакомства он всегда умел обрывать резко и навсегда...

Далеко в степи родился неоформившийся тревожный звук. Может быть, в ночи лишь прокричала какая-то птица. Редко, но бывает в синий предрассветный час такое особое состояние души, когда кажется: нечто должно произойти, вот-вот совершиться, оформиться в реальное действие, как этот ночной крик, — но ничего не происходит. По-прежнему бесшумно и навсегда утекают прочь минуты жизни, и виноваты во всем, возможно, лишь мохнатые глаза звезд... Нельзя слишком долго и слишком пристально на них смотреть. Как и тысячи лет назад — для наших далеких предков, — они сохранили в себе колдовскую силу. Вот только времени не осталось у нас в этом разбираться или загрубела душа, отгороженная от звездного мира дымом больших городов, утилитарными задачами торопливых повседневных дел...

Под эти беспорядочно разбредавшие мысли незаметно для себя Степан задремал и почти сразу же проснулся, словно от толчка...

Он испытывал необъяснимую, все возрастающую тревогу, ни с чем конкретным не связанное беспокойство, возможно, ему приснился какой-то кошмар, он его не помнил, но, скорее всего, его разбудил все тот же назойливый резкий крик ночной птицы... Степан прислушался; вокруг все было неподвижно и тихо, как всегда бывает в этот последний предрассветный час ночи; лишь из палатки радиста доносилось тонкое попискивание морзянки. Писк пробивался сквозь толщу эфира, чтобы реализоваться в строки какого-то сообщения. Степан приподнялся, осмотрелся. Тревога не проходила. Он встал, оделся и побрел к палатке радиста, где в этот момент материализовывалось известие о том самом повороте в его судьбе, которого он ждал, на который надеялся и которого, не желая в этом признаться самому себе, одновременно боялся...

По неведомым причинам большому начальству вдруг стало ясно, что совместная археологическая экспедиция вглубь Мексиканской пустыни, созданная для изучения остатков древних цивилизаций и только что согласованная с мексиканским правительст-

вом, не может состояться без участия никому не известного, недоучившегося студента Степана Гравова... Степана срочно вызывали в Москву...

В этот момент еще можно было остановиться, вспомнив о том, что за неожиданное исполнение заветных желаний, добытое не совсем обычным путем, цена расплаты может оказаться непомерно высокой. Но слишком шальной оказалась удача.

Кое-что Степан все же предпринял. Вернувшись из казахстанской экспедиции, перед тем как отправиться в Москву, он еще раз навестил агентство на улице Красикова и, разумеется, никого не нашел в старом мазаном доме. Объявление исчезло, жилец съехал, не оставив после себя ни адреса, ни следа.

Наверно, именно тогда Степан решил, что происшедшее можно не принимать в расчет, убедил себя в том, что инсценировка с договором была предпринята ради пятисотки, оставленной на столе, что все остальное ему почудилось и не имеет отношения к его удаче.

А в договоре между тем появился первый пункт, рыжими чернилами вписанный между строк...

Глава 2

Степан стоял на корме слишком долго для пассажира, уезжавшего в заграничную командировку, для человека, которого ждали впереди заманчивые цветные радости заморских стран.

Теплоход не спешил, он отползал от пирса медленно, как огромное, только что проснувшееся животное. Постепенно отдалялась кромка берега, ее уже закрывали волны тумана. Одна за другой рвались невидимые нити, протянутые между берегом и теплоходом. Вот исчезла, закрылась башенными кранами вышка маяка, и остался лишь печальный, протяжный звук ревуна. Вот померкли, потеряли четкость огни набережной. Степану казалось, что он слышит в звуках ревуна странные всхлипывающие звуки. Слишком уж определенно и отчетливо отдалялась и исчезала за бортом земля, слишком завершенной и окончательной выглядела вся процедура отхода...

Казалось, теплоходу никогда уже не удастся вернуться обратно и он, Степан, видит родной берег в последний раз. Было ли это предчувствием, или просто сказалась усталость последних дней, заполненных предотъездной суетой, — кто знает?..

Степан стоял, крепко стиснув поручень, и чувствовал, как чужим и далеким становится еще недавно такой знакомый и близкий берег.

Теплоход отошел от пирса за полночь, пассажиры давно утомились, разошлись по своим каютам, и Степан был рад тому, что никто не нарушал в эти последние минуты прощания его одиночества.

Мерно рокотали машины, теплоход с трудом разрезал холодную стылую воду.

— Любуетесь родиной? — Вопрос прозвучал слишком неожиданно.

В двух шагах от него, небрежно попыхивая сигаретой, стоял завхоз экспедиции Лев Павлович Сугробов. С первого дня знакомства Степану не понравилась в этом человеке его манера о вещах серьезных говорить с неприменной иронией и какой-то скрытой издевкой. Кроме того, Сугробов умел появляться в самое неподходящее время.

Выглядеть грубым в глазах малознакомого сослуживца, с которым, по всей видимости, придется провести не один день в чужой стране, Степану не хотелось, и потому он ответил сдержанно:

— А вы разве не испытываете хотя бы грусти?

— Я гражданин мира. Я думаю, родина у человека находится там, где ему хорошо, безбедно живется. Вот вы — другое дело. Вы ведь впервые в «загранке», если не ошибаюсь?

Он не ошибался, и почему-то Степан подумал, что Сугробову должны быть известны такие вещи из его, Степановой, биографии, о которых он не знает и сам.

— Вы правы, но именно поэтому я хотел бы остаться один, вы уж простите. — Довольно сухо Степан попытался наконец избавиться от назойливого собеседника.

— Не обращайтесь на меня внимания. Вы можете считать, что меня вообще здесь нет. Но человеку в вашем положении трудно рассчитывать на полное одиночество.

— Что вы имеете в виду?

— Договор, который вы подписали, — ничего более.

Степан почувствовал, как тревожное ожидание всех последних дней, подспудно копившееся в глубине его души, вырвалось наконец наружу.

Итак, его надежды не оправдались, это была не инсценировка, не игра, не шутка... Он попал в какую-то очень скверную историю с далекоидущими последствиями, и теперь его уже не оставят в покое. Оправдывались его самые худшие опасения, оправдывались

слишком поздно, когда ничего уже нельзя изменить... Хотя почему, собственно, нельзя?

Прежде всего нужно было узнать, кто они, эти люди из таинственного агентства «Посредник», и для чего им понадобился именно он, недоучившийся студент Степан Гравов? Спрашивать Сугрובה об этом, конечно, бессмысленно, и все же он решил попробовать...

— Раз вы знаете о договоре, вы, наверное, знаете и зачем я вам понадобился. Ведь не ради двадцати пяти процентов моего заработка организовало ваше агентство мое участие в этой экспедиции?

— Приятно иметь дело с догадливым человеком.

— Так что вам от меня нужно?

— Узнаешь в свое время. В договоре много разных пунктов, и все их придется выполнять. Придет время, и тебе о них напомнят, а пока просто жди, веди себя тихо, незаметно и не делай глупостей, нам известен каждый твой шаг.

Сугробов нагнулся, сплюнул в зашипевшую за бортом воду и ушел не простившись, словно потерял к Степану всякий интерес. Догадки, одна другой невероятнее, роились в голове Степана: «Мафия по провозу наркотиков? Шпионская организация? Торговцы валютой?»

Скорее всего, ему следовало сразу же рассказать обо всей этой истории капитану корабля или руководителю экспедиции, но Степан слишком хорошо понимал, как нелепо прозвучит его рассказ о могущественном агентстве «Посредник», и потому попросту решил выждать, пока хоть что-то не прояснится и у него не появятся хоть какие-то доказательства. Не зря же они не оставили ему даже экземпляра договора... Легче всего принимать решения, не требующие немедленных действий.

После этого ночного разговора Сугробов стал держаться со Степаном, особенно когда они не были на людях, гораздо фамильярнее, словно лишний раз хотел напомнить, какая тайна их связывала. Но всякий раз ловко уходил от ответа, когда Степан пытался хоть что-то разузнать о своей дальнейшей судьбе. Тогда, чтобы немного уменьшить пытку неизвестностью, Степан стал избегать Сугрובה, стараясь как можно реже выходить из своей каюты.

Ему все еще казалось, что, если не замечать происходящего, делать вид, что все идет по-прежнему, жить станет проще и легче: так, как жилось ему раньше.

Весь рейс до мексиканского побережья превратился для него в один долгий, как год, день, наполненный запахами разогретого металла и масла, жарой низких широт и невеселыми раздумьями.

В Веракрус теплоход пришел поздно вечером. Окунувшись в суматоху разгрузки, Степан по-настоящему ощутил, что дорога окончена, что он действительно находится в чужой стране, лишь после того, как начались многочисленные таможенные формальности. У чиновника, с особенной тщательностью проверявшего документы пассажиров теплохода, образовалась длинная очередь. Стоя в ее хвосте, Степан заметил, что в зале никто никуда не спешил, кроме руководителя их экспедиции профессора Силецкого.

Степан все еще воспринимал происходящее как некую декорацию, словно сидел в кино и со стороны, почти безучастно и отстраненно, наблюдал за окружающим. Он все еще пытался себя убедить, что это несерьезно, не может быть серьезным. И только теперь как-то сразу вдруг почувствовал, что вокруг него — чужая страна. По своей ли глупости или по воле дельцов из «Посредника» он попал в Мексику. От этого факта уже не отделаться, его нельзя отбросить, нельзя забыть. Именно здесь он им для чего-то нужен. Скоро он узнает для чего, и тогда мы еще посмотрим...

От порта к отелю шла прямая как стрела улица. В самой ее середине раскинулись шумные ряды веракурского базара, где диковинные южные фрукты россыпями лежали на земле, мирно соседствуя с разноцветными фигурками, вырезанными из дерева, с плетеными узорчатыми корзинами, с глиняными божками для туристов, точными копиями бесценных остатков тысячелетней старины, извлеченных из-под развалин ацтекских пирамид. Даже гортанные выкрики продавцов пульке не могли перекрыть рева ослов, утонувших в пыли и жаре задних дворов базара. Польшающие всеми цветами красок наряды женщин словно подчеркивали скромные белые одежды мужчин — рубашка, полотняные брюки да неизменная широкополая шляпа. Впрочем, ближе к центру города одежда жителей Веракруса становилась вполне европейской. И все же если Степану хотелось экзотики, то вокруг ее было достаточно. Вот только непреодолимый барьер цветистого испанского языка словно провел невидимую черту между ним и этими людьми.

За несколько стремительно промелькнувших дней он так и не сумел преодолеть странный стеклянный колпак, отделивший его от действительности. Это чувство еще больше усилила резкая смена декораций. Степан попал в другой век, в иную культуру, глазу нелегко было отыскать в пестроте обрушившегося на него потока новой информации хоть что-нибудь знакомое. Даже здания здесь не походили на те, к которым он привык. Слишком острые, изломанные формы крыш, разноцветные мозаичные панно на фрон-

тонах, соседствующие с пестрыми рекламными вывесками вездесущих американских компаний, как бы напоминали о том, что в этом мире не так уж давно смешалось вместе несколько различных цивилизаций.

Две недели экспедиция провела в Веракрусе. Готовили снаряжение, нанимали вьючных животных, искали опытных проводников — предстоял нелегкий путь вглубь Центральной Мексиканской пустыни. Работы хватало на всех, и, поскольку должность младшего научного сотрудника не определяла какого-то конкретного участка, Степан использовали повсюду. Он то оформлял документацию, то проверял прибывающее снаряжение, то упаковывал вьючные ящики, то вместе с переводчиками закупал продовольствие и медикаменты. И все это время в нем подспудно накапливалось ожидание, росла тревога, хотя раньше, на корабле, ему казалось, что это уже невозможно.

Его беспокоило, что Сугробов до сих пор никак не проявлял себя. Свое тревожное ожидание Степан невольно переносил на окружающих и даже на сам город. Ему казалось, на его улицах в пестрой суতোлке площадей, в разноголосице базаров затаилась неведомая опасность.

Лишь после того, как последние окраинные домишки Веракруса скрылись из глаз, Степан несколько успокоился. Но именно здесь, на окраине, произошло одно странное событие, натолкнувшее Степана на целую цепь новых невеселых размышлений.

Скрипучая арба неожиданно вынырнула из бокового переулка, и, чтобы пропустить ее, идущий впереди экспедиционного каравана погонщик придержал тяжело навьюченных мулов. Арба ползла медленно, и издали показалось, что она нагружена вязанками белого хвороста. Только когда повозка приблизилась, Степан разглядел в ней огромный человеческий скелет. Лишь после того, как прошло первое потрясение, Степан увидел, что шейные позвонки скелета увенчивает искусно вылепленная из папье-маше маска хохочущей Смерти, — это была всего лишь огромная кукла.

— Что это? Зачем это сделано? — Впервые за всю дорогу он обратился к переводчику, надменному и презрительному идалго, в чьей крови оказалась слишком большая доза крови испанских конкистадоров.

— Всего лишь Смерть, — непонятно пояснил тот. — В городе готовится карнавал, праздник мертвых.

— Праздник Смерти?

— Ну, если хотите. У нас смерть не считается чем-то ужасным, как привыкли думать вы, европейцы. Это всего лишь переход меж-

ду двумя разными мирами. Смерть, жизнь, — переводчик достал из кармана серебряную монетку, подкинул ее и ловко поймал, — всего лишь две стороны одного и того же, как стороны этой монеты.

— Это я понимаю, могу понять, но праздновать Смерть...

— Поминовение умерших отмечается всеми народами. У нас этот ритуал приобретает особое значение. Он всегда заканчивается карнавалом, дети объедаются сладостями. Живые радуются тому, что они еще живут, а мертвые — тому, что они уже умерли.

«Странная философия», — подумал Степан.

Караван давно покинул пределы города, пейзаж постепенно стал изменяться, становясь все более безжизненным. Морские влажные ветры, запутавшись в вершинах плоских прибрежных возвышенностей, сюда уже не долетали, и характер растительности резко изменился: исчезли листовые кустарники, среди пропелшин песка появились первые кактусы.

Измученный непрерывной жарой, Степан то и дело вспоминал повозку, везущую карнавальный образ Смерти. Здесь, в пустыне, он уже не казался ему декорацией. Среди холмов довольно часто встречались кости погибших животных, — казалось, самый воздух пропитался отвратительным сладковатым запахом гниения.

До самого вечера Степан так и не смог отделаться от неприятного воспоминания. Маска хохочущей Смерти стояла у него перед глазами весь день.

Раскаленное красноватое солнце наконец приблизилось к горизонту, караван остановился на ночлег. Рабочие стали разбивать лагерь, натягивать палатки, разносить пищу усталым животным. Экспедиции предстояло еще целую неделю двигаться вглубь пустыни, и лишь тогда они приблизятся к раскопу ацтекского города.

В этот вечер Степан впервые пожалел о том, что расстался с домом. Чужая страна казалась ему теперь слишком жестокой, а трудности пути, поджидавшие их впереди, почти непреодолимыми. Проклиная собственную глупость, жару и песок, он стал натягивать палатку. А тут еще солоноватая вода в его фляге кончилась, и пришлось идти за новой в самый центр лагеря. У больших складских палаток, где стояла бочка с питьевой водой, он наткнулся на Сугробова.

— Я как раз собирался тебя искать. Завтра утром постарайся не уезжать с первым караваном. Я что-нибудь придумаю, скажу, что ты должен помочь мне в погрузке.

— Это еще зачем? — не слишком приветливо осведомился Степан.

— Откуда я знаю зачем. Так велено.

— Кем велено?

— А ты не знаешь? — Сугробов мрачно усмехнулся и отошел, не желая продолжать разговор.

Надежды Степана, что его хотя бы здесь оставят в покое, не оправдались. Скорее всего, именно теперь ему предстояло рассчитаться по одному из тайных пунктов договора. По крайней мере, с ожиданием и неопределенностью будет покончено. Наступила пора действовать.

Ночь, которую он почувствовал в день приезда как бы за чертой города, теперь настигла его. Она была рядом, вокруг, стояла между кустов опунций, протянувших к нему из темноты свои усыпанные колючками ладони. Степан глотнул из только что наполненной фляги горькую, как хина, воду. Впервые он задумался о тех, кто подsunул ему договор, а теперь пытался управлять его жизнью из-за угла. Может быть, стоило рассказать обо всем руководителю экспедиции?

Вряд ли кто-нибудь отнесется к этому серьезно. А Сугробов попросту откажется от своих слов.

Ночь в этой стране набрасывалась из-за угла неожиданно, сразу, как враждебное существо. Только что вокруг царили литые синие сумерки — и вот уже вместо них сплошная тьма. Даже свою белую палатку Степан отыскал с трудом.

Цветы кактусов, ждавшие этой минуты весь долгий, переполненный жарой день, теперь развернули в темноте свои лепестки, и в палатку Степана поплыл одурманивающий аромат.

Степан задернул полог палатки, хотя он казался не слишком надежной защитой от притаившейся у дороги ночи. Однако, застегнув его, он почувствовал себя несколько увереннее. Степан заснул сразу, едва голова коснулась подушки, и тут же, во всяком случае так ему показалось, проснулся.

За палаткой стояла все та же душная летаргическая ночь, заполненная запахами неведомых растений, странными звуками, песнями ночных насекомых.

Полог палатки был теперь отдернут, а белая фигура, укутанная в саван, стояла у входа в палатку.

Степан крикнул и не услышал ни звука. Посторонние звуки были не властны проникнуть в эту ночь.

— Не бойся, — тихо, почти ласково, попросил скелет, — меня не надо бояться.

— Я не боюсь, — прошептал Степан, — я просто ничего не понимаю.

— Конечно. Конечно, ты не понимаешь. Но это не страшно. Понимание придет позже. — Скелет присел на обломок камня, валявшийся возле палатки, снял череп и превратился в очень старого, иссушенного временем человека. Отсветы луны терялись в глубоких морщинах его лица. Годы выбелили волосы. Старое пончо, обесцвеченное все тем же неукротимым временем и показавшееся Степану саваном, мешковато свисало с худых плеч старца. А может, это все же был саван?

— Это не саван, — ответил старец, словно слышал все его мысли. — Хотя ты можешь считать мою одежду саваном, потому что я послан за тобой из другого мира. Из того, что для вас, людей, находится по другую сторону смерти. Я должен подготовить тебя.

— Подготовить? — пролепетал Степан плохо повиновавшимся языком, чувствуя, как его страх постепенно переходит в парализующий ужас.

— Ты больше никогда не вернешься в этот мир. Но прежде чем покинуть его, тебе придется стать воином.

— Я не хочу! — крикнул Степан.

И в ответ старец кивнул, словно соглашаясь, словно и не ожидал услышать ничего другого.

— Те, кто отмечен временем, никогда не знают этого сами. Однако пославшие меня могли ошибиться. Посмотрим, как отнесется к тебе Руно. Я ничего еще не решил. Выбирать ученика труднее, чем искать учителя. — Старик вздохнул. — Теперь прощай, мы скоро встретимся снова.

Старец поднялся и еще раз пристально посмотрел на Степана. Слово два холодных голубых клинка, не встретив преграды, погрузились до самого дна его души.

— Ты совсем не похож на будущего воина.

— Я не воин! Я не собираюсь им становиться! Я хочу вернуться домой, я не имею к этому ни малейшего отношения! — Он кричал запоздалые слова, швыряя их, как камни, в пустоту. Никого уже не было возле палатки, даже песок не взметнулся в том месте, где за секунду до этого стоял старец, и тогда Степан проснулся во второй раз.

Высоко поднявшееся солнце уже успело пробраться сквозь тонкие стены палатки, напоминая о том, что в пустыне давно начался новый день. Снаружи не доносилось ни звука, и это показалось Степану необычайно странным. Он рванул молнию, распахнул полог и не увидел вокруг ничего, кроме песка, начинавшего белеть под первыми лучами раскаленного солнца. Караван ушел без него.

Глава 3

«Спокойно, — сказал он себе, постаравшись унять бешено застучавшее сердце. — Этого просто не может быть. Здесь что-то не так».

Его не могли «забыть», это исключено, и проспаться отход каравана — событие достаточно шумное — невозможно.

Поблизости он не обнаружил на песке ни одного следа, словно караван за ночь испарился, превратился в мираж, в дым, или, что гораздо правдоподобнее, ночью его вместе с палаткой перенесли на новое место, подальше от лагеря. Но кто мог это сделать, зачем и почему он даже не проснулся? Существовал лишь один способ...

Он вспомнил горьковатый вкус воды в своей фляге и Сугрובהва, который, видимо, неспроста поджидал его у бочки. Наверное, он, специально затеяв отвлекающий разговор, сумел подменить флягу. И это означало, что он остался в пустыне без глотка питьевой воды...

Степан бросился в палатку. Лихорадочно разбрасывая вещи, разыскал флягу и встряхнул ее — двухлитровый сосуд был заполнен до самого горла. Он плеснул на ладонь несколько капель, лизнул — сомнений не оставалось. В воду что-то подмешали, скорее всего снотворное — и весьма сильное, хватило одного глотка...

Он представил, что с ним будет, когда жара и усталость сломят волю, замутят рассудок и он выпьет всю жидкость из фляги... Возможно, на это они и рассчитывали. Его, конечно, станут искать, но даже если найдут — он уже ничего не сможет рассказать.

Что-то здесь было не так. Избавиться от него могли более простым способом. Для этого не нужна Мексика. Чего-то он не понимал. Чего-то очень важного.

Чтобы не поддаться соблазну, он отвинтил пробку, перевернул флягу и следил остановившимся взглядом, как песок жадно впитывал драгоценную влагу. Все. Теперь у него оставалось не более двадцати четырех часов. Если до следующего восхода он не найдет караван, ему не выжить. В пустыне человек без воды погибает к середине второго дня — это Степан знал хорошо.

Нужно определить хотя бы приблизительное направление. С самого начала они шли на запад, затем свернули к югу, но он не знал, насколько круто, — у него не было даже компаса. Если бы найти след! Его не могли унести слишком далеко, вряд ли они располагали лишним временем. Он решил обойти местность во круг, постепенно расширяя круги. Палатка хорошо заметна издали и послужит неплохим ориентиром.

Один круг, второй, третий — пустыня казалась первозданной, словно здесь никогда не ступала нога человека.

В конце концов он едва не потерял палатку и решил вернуться, чтобы взять вещи. Возможно, они ему не понадобятся, если он не найдет вовремя воду.

Все же с рюкзаком Степан чувствовал себя увереннее.

Солнце поднялось достаточно высоко, становилось жарко. Степан не мог больше тратить время на поиски следов каравана. С каждой минутой расстояние между ним и его товарищами неминуемо увеличивалось, и вместе с этим уменьшалась надежда на спасение.

Оставалось одно: ориентируясь по солнцу, придерживаясь хотя бы примерного направления, идти в ту же сторону, куда ушел караван. Он не надеялся его догнать. Однако рано или поздно его хватятся. Что бы там ни придумывал Сугробов, в конце концов на его поиски вышлют спасательную группу. Вопрос в том, как скоро это случится, успеют ли они...

И Степан пошел на юго-восток. Он все еще пытался найти следы каравана, понимая, что спасательная группа будет двигаться обратно по караванной тропе. Но вокруг под ногами был лишь белесый, обожженный солнцем камень, без единого отпечатка, без единой царапины...

Иногда ему встречались группы кактусов, разорвавшие своими неукротимыми корнями поверхность каменной равнины. Они были похожи то на отдельные колонны, то на странные рощи без малейшего признака тени. В одной из этих «рощ», так и не найдя лучшего укрытия от солнца, он вынужден был ненадолго остановиться, чтобы переждать самую страшную полуденную жару.

Развесив на колючках одеяло, ему удалось получить небольшой кусок тени, но сидеть на камнях оказалось невозможно, и тогда Степан, отыскав между кактусами достаточно широкую расщелину, постарался выскрести из нее верхний, раскаленный слой песка.

Неожиданно осколок камня, которым он проделывал эту операцию, наткнулся на что-то твердое. С трудом разрушая слежавшийся, местами почти окаменевший слой песка, Степан извлек из-под него небольшой металлический предмет, тускло блеснувший на солнце своей матовой бронзовой поверхностью.

В руках у него оказался восьмигранный наконечник старинной ацтекской стрелы. Степан хорошо знал его форму: точно такой был в коллекции профессора Ельгина, только там он потемнел от времени, покрылся кавернами окислов, а этот сохранился так хорошо, словно лишь вчера покинул колчан своего владельца. Был ли тому причиной сухой воздух пустыни или что иное — Степан

не знал. Больше всего сейчас ему хотелось понять, куда делась караванная тропа. Он положил свою находку в карман, — возможно, Ельгин лучше разберется в ее секретах.

Жара стояла такая, словно Степан находился внутри раскаленной печи. Губы потрескались, в горле пересохло, ему с трудом удавалось проталкивать в измученные легкие новые порции горячего воздуха. Впервые он пожалел о вылитой в песок фляге. Несколькими глотками из нее оборвали бы все его мучения.

Не оставалось сомнений — он полностью сбился с нужного направления. Местность, по которой они шли вчера, совершенно не походила на то, что его окружало сегодня. Следы прошедших до них караванов, кости погибших животных — все это непостижимым образом исчезло. Лишь миражи у раскаленного горизонта оставались прежними. Впрочем, и это не совсем так. Сейчас, например, он видел маленькие глиняные домики и огромные ступенчатые пирамиды храмов древнего ацтекского города. Возможно, того самого, к которому так стремились его товарищи. Вот только на вершине этих пирамид клубился дым, а внизу блестели бронзовые щиты воинов. Скорее всего, у него начинался бред.

Мираж заколебался, подчиняясь невидимым движениям раскаленного воздуха, словно был настоящим. Но ни один мираж не в силах отразить то, чего не существует в действительности.

Горячая земля выпивала, высасывала из него остатки сил. Нужно было вставать и идти дальше. Вот только зачем? Какой смысл в новых мучениях, если у него не осталось надежды?

— Валяешься? — вкрадчиво спросил скелет, выделяя свой отчетливый, однозначный костяк из плывущего марева миража. — Давай, давай. Я давно тебя жду.

— Я готов, — просто ответил Степан.

— Тогда вставай — и пошли.

— Еще чего! — возмутился Степан. — Для тебя вполне подойдет и это место.

— Ошибаешься, — сказал скелет, вновь превращаясь в старика. — Вон за тем холмом, как только перевалишь его, увидишь старую хижину. В ней я тебя и подожду.

Скелет исчез, растворился в струях похожего на кипяток воздуха, оставив после себя лишь сомнение. Стоило ли проверять реальность этого приглашения?

Холм, на который указал скелет, казался не таким уж далеким. В конце концов любопытство оказалось сильнее отчаяния, и Степан поплелся к холму, оставив под кактусом свой рюкзак и твердо решив не возвращаться за ним. Если назначенная встреча состоится, ему уже не понадобятся вещи.

Хижину он увидел сразу, как только поднялся на холм. Это была обычная мексиканская мазанка, обнесенная плетнем из колючих веток пустынных кустарников. Издали она казалась нежилой, но там могла быть вода! Мог быть колодец! Степан забыл обо всем, ноги сами понесли его к хижине.

Вкус воды люди забыли, как забыли и многое другое, утонув в хаосе современных городов. Степан пил медленно, долго, впитывая влагу каждой клеточкой своего большого иссушенного тела. Вода пахла первозданной свежестью, она пахла ветрами и травами, она пахла жизнью. Теперь он был готов встретиться с несколькими скелетами сразу.

— Есть тут кто-нибудь?

Хижина молчала, только дверь скрипнула в ответ на его вопрос и приоткрылась, словно приглашала войти. Степан переступил порог. Внутри царили полумрак и прохлада, толстые метровые стены не пропускали жару, а маленькое оконце, затянутое слюдой, почти не давало света.

Мебели практически не было. Соломенная циновка, небольшой стол, явно самодельный, глиняная посуда — все здесь говорило о натуральном мексиканском хозяйстве, о том быте, которым и сегодня, в двадцатом веке, живут десятки мексиканских деревень. Да разве только мексиканских? Он вспомнил покосившиеся домишки на своем родном Севере, разве что стены там были деревянные, вот и вся разница...

В хижине кто-то жил. В миске на столе лежала сухая маисовая лепешка. Иначе и не могло быть, раз здесь есть вода.

Степан снова повторил свой вопрос. Никакого ответа. Лишь снаружи донесся заунывный тоскливый вой. Волки? В пустыне не бывает волков, скорее всего, это ветер. И тут он услышал шаги. Шаги у самой хижины.

Он готов был поклясться, что вокруг на несколько километров не было ни одной живой души. Во дворе невозможно укрыться. И тем не менее кто-то подходил к двери. Степан почувствовал, как у него перехватило дыхание.

Дверь открылась, и порог переступил старик в поношенном мексиканском плаще из грубой домотканой материи.

Хотя в комнате было темно, Степан заметил, что вошедший человек очень стар, но держится удивительно прямо, а его походка легка, как у юноши.

На секунду лицо старика показалось знакомым, но, скорее всего, это была лишь игра его измученного пустынными миражами воображения.

— Простите, — сказал Степан, — я вошел без приглашения. Здесь никого не было, я отстал от каравана и вот...

Старик ничего не ответил, он пересек хижину и уселся в углу на циновке, не обратив на Степана ни малейшего внимания, словно тот стоял здесь всегда, как этот древний стол.

— Где я нахожусь? Какая это деревня? Где проходит караванная тропа? — попробовал Степан еще раз, отчетливо произнося слова.

Никакого ответа. Взгляд, направленный сквозь стены хижины, казалось, видит иные миры. Степан решил подождать, продемонстрировать выдержку, хотя ему очень хотелось есть. В неподвижности и молчании время текло незаметно. Свет, пробивавшийся сквозь слюдяное оконце, стал слабеть.

Сухая маисовая лепешка, которую Степан заметил на столе, когда вошел в хижину, казалась ему теперь куском пышного пирога.

Старик достал из заплечной котомки лист бетеля и с видимым удовольствием принялся его жевать, по-прежнему не обращая на Степана ни малейшего внимания.

— Вы не понимаете по-русски? К сожалению, я не знаю мексиканского...

Старик молчал.

Прошло не меньше часа, в хижине стояла влажная душная тишина, нарушаемая лишь тонким писком москитов да заунывным свистом ветра за стенами. Старик сидел на своей циновке совершенно неподвижно. Покончив с бетелем, он ни разу не шевельнулся. Муки голода становились совершенно непереносимыми. В конце концов Степан не выдержал и сделал новую попытку заговорить:

— Мне нужно в Мехико, в посольство, я русский, понимаете? Рашен.

— Не суетись. Время разговора еще не пришло.

Фраза прозвучала в голове Степана очень четко, с глубокими обертонами, словно он слышал ее через стереонаушники, сдвинутые на затылок.

— Вы знаете русский?

Степан вскочил. Он одновременно испытывал радость и гнев за столь долгое бессмысленное ожидание. Он хотел подойти к старику вплотную, заглянуть ему в глаза, но шага за два что-то его остановило. Ощущение опасности? Холодок в спине? Он не знал что. Он вздохнул, отвернулся и поплелся на свое место.

— Хорошо, — проговорил старик. — Человек, который должен стать воином, обязан уметь управлять собой.

— Я не собираюсь становиться воином.

— Наши желания стоят немногого, пока внутри нет силы для их осуществления.

Степан не хотел спорить с этим явно не совсем нормальным человеком и потому ответил примирительно:

— Я готов стать воином, кем угодно, лишь бы узнать, есть ли здесь хоть какой-нибудь транспорт.

— Зачем он тебе?

— Мне нужно в столицу, в посольство, мне нужен Мехико.

— У нас нет такого города.

— Есть, это столица государства, в котором вы живете, она находится на побережье.

— У этого государства совсем другая столица. Она называется Кецалькоатль.

Степан не почувствовал даже страха, лишь легкое раздражение на невежественного старика: мы редко ощущаем подлинное дыхание судьбы и не сразу видим за маской настоящее лицо истины.

— Пусть будет по-вашему. Тогда я хотел бы попасть в этот самый Кекоциталь.

— Кецалькоатль, — поправил старик. — Там ты можешь стать только рабом или воином, но, скорее всего, тебя принесут в жертву Мортару.

Степан рассердился на себя за попусту потраченное время. Он хотел было встать и выйти, но неожиданно его рука наткнулась в кармане на какой-то острый предмет — на новенький наконечник ацтекской стрелы, совсем недавно побывавшей в кузнице, и он вдруг почувствовал, что холодок страха пополз от его руки к сердцу.

— Ты, кажется, начинаешь что-то понимать, — сказал старик, и усмешка впервые появилась на его иссушенном пустынными ветрами лице.

— Я вам не верю, — заледеневшими губами произнес Степан.

— Тебе и не надо верить. Придет время знаний, как пришло время разговора, и тогда ты все поймешь сам. А сейчас наступает другое время. Время сумерек, время, когда дует западный ветер. Время, когда воины собирают и копят силу. Пойдем. Я должен знать, примет ли тебя Сила.

Легко, как юноша, старик поднялся и пошел к выходу, и Степан последовал за ним. Он не знал толком, что им двигало. Любопытство? Желание понять? Страх остаться ночью в этой хижине наедине со своими сомнениями? Наверное, все это вместе и еще непонятное ощущение уверенности, исходящее от старца. Иногда

встречаются люди, рядом с которыми все наши опасения кажутся мелкими, не заслуживающими внимания. Сейрос был таким человеком. Он не называл своего имени, но Степан почему-то знал, что его зовут Сейрос, и не сомневался, что это так и есть.

Они вышли из хижины. Солнце уже зашло. Оно зашло слишком поздно, и над горизонтом разгоралась зеленоватая заря. На ее изумрудном фоне сверкали белые великаны далеких снежных вершин.

Пустыня осталась на востоке, и здесь начиналась какая-то другая страна. Поднимался холодный западный ветер. Степан ощутил его прохладное дыхание на своей коже и на мгновение задержался. Кажется, он напрасно оставил в пустыне все свои вещи...

— Нет, — сказал Сейрос, — одежда тебе не нужна. Достаточно представить теплый меховой плащ. Волны тепла идут по рукам вверх, обтекают спину, грудь. Ты их чувствуешь?

Степан молчал. Он видел на себе этот плащ, надежный, плотный. От него шло тепло, сначала по рукам, потом оно обтекало грудь, спину, все его тело. К своему удивлению, он почувствовал это тепло. И с этой минуты началось его обучение науке воина иных, чуждых нашему миру пространств. Хотя сам Степан все еще не подозревал об этом...

Глава 4

Казалось, время остановилось. Степан не смог бы теперь сказать, сколько дней прошло с того момента, как он вынужден был остаться у Сейроса. Дважды он пытался уйти — один раз в пустыню, другой раз в сторону гор. Никто не держал его, никто не преследовал, но вокруг, на несколько дней пути, не было ни дорог, ни жилья, ни следа человека. Измученный и униженный, он был вынужден вновь возвращаться к хижине и не слышал от Сейроса ни слова упрёка за свое долгое отсутствие — лишь легкая усмешка да неизменная майсовая лепешка на столе, честно поделенная на двоих.

До сих пор он так и не смог понять, какая роль предназначалась Сейросу в его судьбе. Кто он, его страж? Враг или человек, волею обстоятельств оказавшийся в таком же положении, как и сам Степан? Постепенно, исподволь, приближалось время откровенного разговора. Давно уже Степан понял, что внешность Сейроса обманчива, что старец знает многие из тайн, плотным кольцом окруживших Степана, парализовавших рассудок и волю. Сейрос

далеко не всегда отвечал на вопросы, но если уж говорил, то говорил только правду, в этом Степан убеждался не раз. И он наконец услышал ответ...

— Ты ведь и сам уже почти все понял.

— Другое время? — заледеневшими губами произнес Степан. Сейрос отрицательно качнул головой:

— Здесь вообще другой мир, иная фаза. Он существует одновременно с вашим в одном пространстве, но у него собственная судьба. Когда-то оба эти мира составляли одно целое, но сотни лет назад в твоём мире победили испанцы, здесь — ацтеки, и миры разошлись, как путники расходятся на развилке дорог.

— Это невозможно. Этого просто не может быть.

— Может. Случиться может все, что человек способен вообразить, и даже значительно больше.

— Но как я попал сюда?

— Ты подписал договор с теми, кому подвластно многое, теперь ты принадлежишь им. Они решили сделать из тебя воина и поручили это мне.

— Но я же не знал...

— Когда подписываешь такой договор, никогда не знаешь, чем это кончится. Погонишься за легкой удачей — и вдруг окажешься в чужих пространствах.

— Я хочу немногого, хочу вернуться, забыть обо всем, жить обычной жизнью, такой, какой живут сейчас мои друзья, сверстники, те, кто остался...

— А вот это невозможно. Есть дороги, которые мы выбираем, а есть те, которые выбирают нас и ведут в одну сторону.

И только теперь — не раньше — Степан начал понимать, что случилось. Холод чужих пространств постепенно и неотвратимо проникал в него, замораживая мысли и чувства; и среди этого все расширяющегося ледяного круга оставалась одна-единственная горячая точка — чувство ненависти к тем, кто проделал с ним эту подлую штуку.

Он все еще не верил до конца, нельзя было в это поверить и сохранить рассудок. Он потерял самое главное — свободу выбора; и теперь его судьба, вся его жизнь зависели только от чужой воли. Он вступил на дорогу без возврата...

Но Сейрос отрицательно качнул головой и ответил на его мысли:

— Человек до той поры остается собой, пока в нем не исчезает хотя бы желание к сопротивлению. Но ты слишком много говоришь, вместо того чтобы действовать. Возможно, в конце концов ты все-таки станешь рабом, а не воином.

Степан вскочил и тут же сдержался, вспомнив наставления Сейроса. Он спросил уже почти спокойно:

— Что я должен делать?

— Учиться искусству воина. И постепенно набирать силу.

Они шли долго. Пыльная, растрескавшаяся от дневного зноя земля сменилась каменистой почвой предгорья. Начался подъем. Сначала пологий, он становился все круче и круче. Раза два исцарапанные в кровь босые ноги Степана срывались на скользких камнях, и тогда он спрашивал себя, как долго все это будет продолжаться.

Сейрос шел легко, не выказывая ни малейшего признака усталости, — казалось, его тело скользило по воздуху, едва касаясь почвы. Он шел не оглядываясь, не произнося ни слова. Степан наметил для себя последний рубеж — вершину одиноко торчащего камня и, когда они дошли до него, без сил рухнул на землю. Дальше он не пойдет. Дальше он не шевельнется, не сделает ни одного движения. Даже если это его последняя остановка. Пусть Сейрос уходит, пусть оставляет его одного, пусть холод и ночные звери сделают свое дело. Старик обернулся и, остановившись, спросил:

— Ты знаешь, кто заключил с тобой договор?

Степан отрицательно покачал головой.

— В разных местах их называют по-разному — это древнее племя, может быть, более древнее, чем племя людей.

— Ты принадлежишь им?

Усмешка осветила лицо старика.

— Я принадлежу только себе. Иногда они обращаются ко мне за помощью, иногда — я к ним. Мы тоже соблюдаем договор, но он справедлив. Я составлял его сам. А ты...

— Договор всего лишь бумажка, я хочу, чтобы меня оставили в покое.

— Этот договор не бумажка. Он существует многие тысячи лет, и его не нарушали никогда. По крайней мере, мне не известен ни один такой случай.

— Я не знаю, что там написано.

— Узнаешь. Когда придет время, тебе напомнят о каждой букве, и за каждую придется платить.

— С ними нельзя бороться?

— Бороться может Воин. А ты всего лишь человек.

— Но человек может стать Воином!

— Верно. Для этого нужны сила и знание. И еще терпение и мужество. А ты валяешься у этого камня.

Степан медленно поднялся, что-то смутно он начинал понимать.

— Ты хочешь сказать...

— У каждого камня есть уши, и сказать я хочу лишь одно: мне поручили сделать из тебя Воина. Клянусь Силой, ты им станешь.

— Я пойду с тобой.

Некоторое время старик пристально смотрел ему в лицо, и Степан не отвел взгляда.

— Может быть, Руно примет тебя. Идти больше не надо.

— Что мы будем здесь делать?

— Ты слишком много говоришь. Молчи и слушай. Слушай себя, горы, ночь, ветер. Все ответы здесь, вокруг тебя.

Старик прислушался, отошел на несколько шагов и, приложив руку к камню, медленно повел ладонью над его поверхностью, удовлетворенно качнув головой.

— Это хорошее место. Сядь здесь и слушай, и ничего не бойся: я буду рядом. Если понадобится, приду на помощь.

— Здесь водятся волки?

— Волков здесь нет. Здесь кое-что пострашнее волков. Слушай!

И Степан остался один. Он не знал, далеко ли ушел Сейрос: тишина гор и мрак наступающей ночи почти сразу поглотили его шаги. Степан провел рукой над камнем, как это сделал старик. В одном месте камень показался ему теплее и лучше. Он не знал, так ли это, и не знал, чем отличается этот камень от сотен других, он просто сел на него и стал ждать. Ночь текла медленно и странно. Странно потому, что очень скоро он перестал ощущать холод и жажду, он словно становился частицей ночи, растворялся в ней, а ночь не может ощущать ни холода, ни страха. Может быть, ночь всего лишь ожидание дня. Все имеет свою противоположность. Рождение — смерть. Прилив — отлив. Взлет — падение. Ритм во всем, в каждой вещи, в каждой частице материи. В ее глубинах и на самой поверхности... Странные мысли нашептывала ночь. Мысли о том, что человек и Вселенная едины, что Вселенная растворена в человеке, а человек может раствориться во Вселенной, не потеряв себя. И это было самым трудным...

Так началось его учение. Учение без книг и долгих речей. Степан узнал, что человек может довольствоваться ничтожно малым, что главная задача Воина — это умение накапливать в себе энергию, разлитую в природе, умение находить и чувствовать ритм в каждой вещи. Он еще не знал, для чего существует этот ритм, но уже понял, что за ним скрыта одна из главных тайн природы.

Иногда Степану казалось, что окружающая его реальность, вся эта пустыня, поиски и накапливание таинственной силы, проникновение в суть вещей — все это лишь сон. Что вот-вот он проснется, и все будет как раньше, но шли дни, недели, месяцы... Его тело стало суше, стройнее. Взгляд пристальнее, внимание обострилось. Обострились и органы чувств. Он стал различать звуки и улавливать движения, недоступные обычному восприятию. Он научился никуда не спешить и ждать, ждать так, как будто впереди была вечность.

И лишь иногда сквозь это бесконечное ожидание проникала в его сознание прежняя глухая тоска по дому.

В один из таких дней, почувствовав его настроение, Сейрос сказал:

— Сегодня я должен сообщить тебе нечто важное. Нужен Круг. Приготовь все необходимое.

Это означало, что тайна, которую собирался ему открыть учитель, настолько значительна, что нуждается в специальной магической защите.

Влияние внешних злобных сил ощущалось тем сильнее, чем тоньше становилась перегородка, отделявшая Воина от мира иных, незримых для обычного человеческого взгляда, измерений. Степан не знал, так ли это. Критическая оценка действий учителя ему никогда не удавалась, слишком велика была гипнотическая, подавляющая волю сила, которая окружала все, связанное с Сейросом. И потому Степан, не раздумывая и не возражая, подчинился.

Прежде всего нужно было в раселинах северных скал набрать веток колючего кустарника мискаля. И хотя там, куда они потом пойдут, растет сколько угодно точно такого же мискаля, годился только этот, омытый северными ветрами, собранный недалеко от дома.

Потом они долго ждали заката, сидя в открытом дворике и набираясь сил для трудной дороги. Наверное, для постороннего наблюдателя их сборы выглядели более чем нелепо, но к этому времени Степан уже понял, что Сейрос ничего не делает зря, и научился держать при себе свое мнение. Тем более что с таким же успехом он мог бы спорить со скалой, на которой рос мискаль.

Солнце на здешнем небосклоне двигалось чрезвычайно медленно, и, хотя они вышли перед самым закатом, а дорога к восточным склонам хребта занимала не меньше четырех часов, у них оставалось еще достаточно светлого времени, чтобы выбрать нужное место.

На небольшой ровной площадке, покрытой толстым слоем песка, Сейрос нарисовал круг поперечником метра в полтора и за-

СОДЕРЖАНИЕ

ЧУЖИЕ ПРОСТРАНСТВА. *Роман*

Книга первая. ЧУЖИЕ ПРОСТРАНСТВА

Часть первая. Ученик чародея	7
Часть вторая. Роман Гравов	62
Часть третья. Гридос	126
Часть четвертая. Левран	216
Часть пятая. Восстановление симметрии	275

Книга вторая. ИЗГНАННИК

Часть первая. Третий круг	312
Часть вторая. Светозар	439

ЧУЖАЯ ПЛАНЕТА. <i>Роман</i>	559
-----------------------------------	-----

Гуляковский Е.

Г 94 Чужие пространства : романы / Евгений Гуляковский. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 864 с. — (Мир фантастики).

ISBN 978-5-389-11600-9

Главная заслуга Евгения Гуляковского перед отечественной фантастикой, если отойти от чисто литературной части, состоит в том, что он, по сути, создал новое направление в жанре — русский фантастический боевик. До него мы знали только героев западных: Джона Картера из довоенных еще переводов марсианского цикла Э. Р. Берроуза, «Сокровище Громовой луны» Э. Гамильтона, позже, в конце 1960 — начале 1970-х, нам подарили переводы «Саргассов в космосе» Э. Нортон и «Неукротимой планеты» Г. Гаррисона. И вдруг накануне года 1980-го, как Тунгусский метеорит в небе, вспыхнула звезда Гуляковского. Знаменитый «Сезон туманов» прорвал брешь в жанровой ткани, став первым в нашей литературе образцовым космическим боевиком. А потом, вслед за циклом об инспекторе внеземных поселений Игоре Ротанове, пришли к читателю «Чужие пространства» и «Чужая планета», двухчастное звездное полотно о наших будущих соотечественниках, сохраняющих хрупкое равновесие между враждующими мирами Вселенной.

Талант автора отмечен наградами — премией «Аэлита» (1998) и Литературной премией имени Ивана Ефремова (2004), обе «за выдающийся вклад в развитие отечественной фантастики».

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)-445

Литературно-художественное издание

ЕВГЕНИЙ ЯКОВЛЕВИЧ ГУЛЯКОВСКИЙ
ЧУЖИЕ ПРОСТРАНСТВА

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Анна Быстрова, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 27.01.2017. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 54. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

HMFF1962701R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/